

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 2)

Три года пролетели незаметно. За это время имя Лу Яня прогремело на весь мир совершенствующихся.

И дело было вовсе не в пышной церемонии заключения союза с Истинным владыкой Юэ Чжи, хотя именно после того дня о безвестном юноше впервые заговорили повсюду. На него обратили взор те, кто стоял на самой вершине.

Для старейшин четырёх великих орденов несколько столетий, прошедшие со времён Лу Цзэи, не были достаточным сроком, чтобы предать забвению старые обиды и алчность. Они всё ещё жаждали заполучить тайные техники Лу Цзэи — тот самый сокровенный ключ к великому вознесению.

Особенно остро это чувствовали те мастера, чей земной срок подходил к концу. Глядя, как один за другим уходят их сверстники, они ощущали ледяное дыхание смерти и становились всё более нетерпеливыми.

Официально они сохраняли невозмутимость, но за кулисами секта Ступающих по звёздам подвергалась беспощадной травле. Иначе как могла школа, взрастившая мастера на пике Преодоления Скорби и некогда правившая миром, пасть так низко? Даже если бы их былая мощь иссякла, одно лишь наследие предков должно было возвышать их над мелкими кланами.

Великие ордена не раз порывались просто схватить потомков Лу Цзэи, но всякий раз им преграждал путь Истинный владыка Юэ Чжи. В прошлом Чао Цы был дружен с Лу Цзэи, но тогда он был слишком слаб — всего лишь на стадии Выхода из Тела, в то время как его товарищ уже находился на пике Преодоления Скорби. В тот день, когда его друга окружили враги, Чао Цы ничего не мог поделать.

Однако после смерти Лу Цзэи развитие юноши совершило невероятный скачок. За считанные годы он преодолел путь от стадии Выхода из Тела до Разделения Духа — достижение, на которое у других уходило столетия. Более того, Чао Цы был мечником, притом эталонным: его боевая мощь в несколько раз превосходила силу любого другого мастера того же уровня. Теперь, находясь на пике Разделения Духа, он, не задумываясь о собственной жизни, вполне мог нанести сокрушительный удар даже мастеру стадии Преодоления Скорби. Рисковать всем ради призрачной возможности завладеть техниками, восстановив против себя столь грозного противника, великие ордена не решались.

Возможно, им просто не хватало веского повода, чтобы выступить против него единым фронтом.

Долгое время Чао Цы ограничивался лишь тайной поддержкой, но когда он открыто объявил

главу опальной секты своим спутником и поклялся оберегать его школу целое столетие, это стало для многих последней каплей.

Сейчас старые предки стадии Преодоления Скорби всё ещё пребывали в глубокой медитации, но пройдёт пара лет, и Чао Цы вряд ли удастся избежать расплаты, когда они потребуют ответа.

Лу Янь не знал о бурях, зреющих в тени. В его глазах Владыка ничем не отличался от тех, кто душил его секту. Чао Цы был верховным старейшиной Павильона Сияющего Света, их главной опорой — разве посмел бы Павильон притеснять Ступающих по звёздам без его молчаливого согласия?

Юноша не понимал, что именно Истинный владыка в нём нашёл, и почему тот затеял эту игру в «супружество». Лу Янь подозревал скрытый умысел, но понимал: чтобы выжить и подняться, он должен использовать любую возможность. Сначала он проглотит сладкую оболочку поднесённого дара, а когда придёт время — найдёт способ вернуть врагу саму пулю.

Чего Лу Янь не знал, так это того, что истинной опорой Павильона Сияющего Света был не Чао Цы, а другой древний предок, достигший стадии Преодоления Скорби. Тот годами не выходил из затворничества, и его имя редко поминали всуе. Когда верховный предок желал раздавить врага, а Чао Цы — защитить, кому должен был повиноваться орден?

Выбор был очевиден. Почти каждый высокоуровневый практик жаждал техник Лу Цзэи, и каждый приложил руку к травле его потомков. Чао Цы понимал, что не может остановить всех, и пока они не переходили к открытой резне, он не вмешивался.

Всего за три года, используя ресурсы и покровительство спутника, Лу Янь совершил рывок от пика Создания Основы до стадии Выхода из Тела. После этого союза каждое его действие находилось под пристальным вниманием, и такая скорость развития потрясла всех.

Но ещё больше людей поражала его способность сеять хаос.

За этот срок он совершил столько громких дел, что мир совершенствующихся едва успевал следить за новостями. Сначала он просто сокрушал сверстников на турнирах и в тайных царствах, но вскоре ему стало тесно в этих рамках. Молодой человек отправился на границы Царства демонов, где, будучи ещё на стадии Золотого Ядра, хитростью и силой убил врага стадии Выхода из Тела. Число павших от его руки демонов стадии Зарождающейся Души и вовсе не поддавалось счёту.

Пограничные земли были местом бесконечных войн. Большинство практиков отправлялись туда лишь по принуждению, но Лу Янь чувствовал себя там как дома. Всего за пару лет он выкосил столько демонических мастеров, что те понесли невосполнимые потери.

В Царстве демонов его ненавидели люто. Если бы высшие демоны могли пересекать границу

без риска быть немедленно уничтоженными всеми силами мира совершенствующихся, за его головой давно бы явились мастера стадии Разделения Духа или даже Преодоления Скорби.

В данный момент юноша всё ещё находился на границе. Кровавая битва только что завершилась, и воины отдыхали в тылу.

Лу Янь неспешно протирал клинок своего цзаньмадао. Это оружие высшего земного ранга было подарком Чао Цы. У Владыки нашлись бы мечи и получше, но три года назад парень был лишь на стадии Зарождающейся Души, и более мощное оружие было бы ему не по руке. Кроме того, Чао Цы специально выбрал клинок с потенциалом развития. Всего за год Лу Янь так наполнил его своей волей и энергией, что цзаньмадао уже готов был перейти в Небесный ранг.

— Носишься с этим мечом, как с писаной торбой. Слышал, это подарок того самого человека?
— раздался рядом насмешливый голос.

К нему подошёл статный молодой человек с длинными волосами, собранными в тугой хвост. Его лицо светилось тем благородным спокойствием, которое сразу располагает к себе. Это был Фу Минцзэ, один из немногих друзей Лу Яня. У юноши было мало близких людей лишь потому, что мало кто мог поспеть за его безумным ростом. Они познакомились около двух лет назад; Фу Минцзэ был свободным практиком, к тому моменту уже достигшим стадии Зарождающейся Души. Сейчас он находился на её пике, едва удерживаясь на одном уровне с товарищем.

— Он просто удобен в бою, — сухо ответил Лу Янь. — И это никак не связано с его дарителем.

— Твоё ранение — не шутка. Это проклятие, пожирающее кости. Твой супруг сможет с ним справиться? — спросил Фу Минцзэ.

В последнем бою Лу Янь, будучи в начале стадии Выхода из Тела, уложил противника на пике той же ступени. Но демон оказался коварным: умирая, он использовал запретную технику и наложил на юношу смертоносное клеймо.

Считалось, что искусство этого проклятия давно утеряно, но Лу Яню «повезло» испытать его на себе. Оно медленно, дюйм за дюймом, разъедало кости и меридианы. Мастера редко беспокоились о физических ранах — он и раньше терял плоть в боях, оставаясь едва ли не скелетом, но всегда восстанавливался с помощью эликсиров.

Однако «пожирание костей» работало иначе. Рана казалась физической, но корень её таился в самой сути души. Даже если юноша уничтожит старую оболочку и создаст новое тело из духовной энергии, проклятие никуда не денется. Оно продолжит грызть Зарождающуюся Душу и духовные каналы... В среднем поражённые этим недугом не жили дольше полугода.

— Не знаю, — Лу Янь равнодушно убрал меч в ножны. — Какая разница? Не найду спасения — значит, так тому и быть.

Фу Минцзэ пренебрежительно фыркнул:

— Так я и поверил. Ты из тех, кто вцепится в жизнь зубами, а если поймёшь, что конец неизбежен — напоследок разнесёшь все четыре великих ордена в щепки.

— Если я и впрямь соберусь умирать, я точно не оставлю их в покое, — спокойно подтвердил юноша.

Смерть отца, гибель множества учеников Секты Ступающих по звёздам и даже странная кончина его матери — за всем этим стояли великие ордена. Все эти годы он помнил каждую попытку подло убить его, каждое скрытое покушение. Он вёл счёт.

— Кстати говоря, твой покровитель тоже принадлежит к числу тех орденов. Все эти годы он подчищает за тобой хвосты, а в мире только и шепчутся, что ты живёшь на всём готовом... Что ты на самом деле о нём думаешь? — не удержался от вопроса Фу Минцзэ.

Ему было безумно любопытно.

Они встретились в одном из тайных царств, и Фу Минцзэ сразу понял: этот парень — кремень. Он решил оказать ему услугу, надеясь на доброе знакомство, и не прогадал — Лу Янь взлетел с невероятной скоростью. Чем дольше они общались, тем яснее друг видел, что Лу Янь беспощаден ко всем, но к самому себе — в особенности. Мог ли такой человек действительно стать чьей-то комнатной игрушкой?

К тому же юноша никогда не проявлял интереса к мужчинам. За эти годы за ним бегало немало прекрасных дочерей знатных кланов, но он оставался холоден ко всем.

— Разве плохо жить на всём готовом? — Лу Янь усмехнулся. — Я живу в Тайном царстве Сюаньци как у себя дома, использую техники Небесного ранга и ем пилюли девятого уровня вместо конфет. Плохо, что ли?

Фу Минцзэ замолчал, поражённый такой прямоотой.

— Ладно, забудь, — он закрыл лицо рукой. — Спроси у Истинного владыки, нет ли у него такого же богатого друга для меня.

— А то, что он из Павильона Сияющего Света... — Лу Янь поднялся. — Я помню об этом. Пройдёт ещё два года, и мы будем в расчёте.

С этими словами он развернулся и вышел из шатра.

Чао Цы был одним из тех, кто косвенно виновен в бедах его семьи, и Лу Янь об этом не

забывал. Но за эти годы Владыка действительно сделал для него многое. С самого начала их договор был лишь обменом выгодами: пять лет союза, а затем каждый пойдёт своим путём, и никто никому ничего не будет должен.

***

Юноша вернулся в резиденцию.

Раньше Чао Цы жил в главном чертоге Павильона Сияющего Света, но после заключения союза он обустроил отдельную обитель в горном хребте Шансяо.

Это место называли «пещерой», но по размерам оно не уступало средней секте. Чао Цы питал слабость к роскоши: в поместье трудились сотни слуг и управляющих. Огромные жемчужины из Восточного моря освещали путь от подножия до самой вершины, сияя в сумерках подобно небесным фонарям.

Даже ступени здесь были высечены из золотисто-красного нефрита — материала, способного успокаивать разум и концентрировать духовную энергию. Обычно его использовали для создания мощных артефактов, но здесь он служил лишь для мощения дорожек. На строительство лестницы ушло больше тысячи мер этого драгоценного камня.

Лу Янь поднялся по облачному мосту, ловя на себе почтительные поклоны слуг. У входа в личные покои он встретил Лю Яо, личную служанку Владыки.

Девушка изящно поклонилась.

— Истинный владыка отдыхает в своих покоях.

Лу Янь слегка кивнул и вошёл внутри.

Его сразу окружил тонкий аромат, напоминающий сандал, но гораздо более изысканный и лёгкий. Его добывали из редчайших кораллов в глубинах Бескрайнего моря, и Чао Цы всегда предпочитал именно это благовоние.

Шёлковые занавеси в комнате едва заметно колыхались от сквозняка. Сквозь них он увидел Чао Цы: тот полулежал на кушетке, лениво перелистывая какую-то книгу.

Сегодня на Владыке был многослойный халат из белоснежного шёлка. Тонкая ткань окутывала его, придавая облику неземную лёгкость, но то, как он небрежно развалился на меховом ковре, распахнув ворот и обнажив белую, точно драгоценный нефрит, грудь, добавляло его божественному образу нотку порочного искушения.

Для мастера такого уровня чувства были обострены до предела. Как только Лу Янь переступил порог, Чао Цы уже знал, кто пришёл.

Он приподнялся, глядя на юношу.

— Вернулся?

Лу Янь сухо отозвался. Владыка поднялся, обвил руками его шею и запечатлел на его губах невесомый поцелуй.

<http://bllate.org/book/15361/1411247>